

Лин Цзыхань осторожно снял с него военную форму и накрыл одеялом. В этот миг в его сердце шевельнулось невыразимое чувство заботы о Лин Цзине.

Лин Цзин так и не проснулся, словно уставший ребёнок — безмятежный и беззащитный.

Лин Цзыхань молча постоял над ним немного, а затем бесшумно удалился.

Уже стояла глубокая осень, на улице было прохладно. Лин Цзыхань вошёл в свою комнату, где хорошо топило, но холод, введшийся в самое нутро, не отпускал, причиняя мучительное недомогание и не давая уснуть.

Он пролежал с закрытыми глазами больше часа, но сон не шёл. Голова раскалывалась, подступала тошнота, и чем дольше он лежал, тем хуже становилось. Больше не в силах терпеть, он встал, вышел на балкон и уселся в кресло.

Разница во времени с Пекином составляла два часа, рассвет здесь наступал поздно. Он слышал в темноте частые шаги и отрывистые команды — отряд уже вышел на утреннюю тренировку. Его отпуск ещё не кончился, поэтому сегодня он мог не идти на службу. Свернувшись в мягком кресле, он уставился на восточный горизонт, погружённый в свои мысли.

На этот раз он вернулся в Пекин по приказу — Лин И потребовал отчёта о результатах расследования. Он подготовил подробный доклад, указывая, что есть признаки, позволяющие считать: Лин Цзин не отдавал приказа об убийстве мирных жителей. Впрочем, он честно признал, что доказательств пока недостаточно и делать окончательные выводы рано. Лин И и Лэй Чжэнь, изучив предоставленные им изображения, аудиозаписи и документы, также сошлись во мнении, что собранные им улики неубедительны, а некоторые и вовсе вызывают подозрения.

Фан Гоцзи особо подчеркнул для Лин И и Лэй Чжэня:

— Нужны железные доказательства, только тогда люди поверят. Вы не должны покрывать Лин Цзина, не считайте его своим и не защищайте, даже если он ошибся. Прошлые Лин Цзина, безусловно, вызывает сочувствие и уважение, но оно же заставляет задуматься: а не могло ли его занести, не смог ли он остановиться? Будь на его месте кто-то другой, подобные обвинения вряд ли бы имели почву, но с учётом его прошлого мы не можем просто отмахнуться. Лин И, передай Цзыханю: дело это чрезвычайной важности, он должен быть предельно осторожен. Только получив неопровержимые доказательства, можно делать окончательные выводы.

Затем Лин И передал приказ Лин Цзыханю: продолжать работу и сказал:

— Не торопись, действуй основательно. У нас ещё несколько месяцев в запасе, тебе хватит времени на расследование.

— Так точно, понял. — Лин Цзыхань помедлил и медленно добавил:

— Если... если это правда, можно ли... сохранить Лин Цзина? Он и вправду выдающийся воин, и... тому были причины, нельзя во всём винить его одного...

— Лин Цзыхань, ты поддаёшься чувствам, а это недопустимо, — Лин И сурово нахмурился. — Если Лин Цзин действительно отдал приказ убивать мирных жителей, он должен понести суровое наказание по законам военного времени. Его оружие дано страной, право отдавать приказы на открытие огня тоже дано страной. Страна дала ему эту власть, чтобы он нёс ответственность за защиту народа. Если же он вместо этого направит стволы на мирных

жителей, то станет разрушителем мира, злоупотребившим доверенной ему властью. Цзыхань, ты мой сын, но если бы ты поступил так, не говоря уже о законе и воинской дисциплине, я бы сам тебя убил.

Как Лин Цзыхань мог не понимать этой логики? Он молча кивнул и больше не стал говорить. Спустя два дня он снова подал доклад Лин И.

На самом деле все случаи, где Лин Цзина подозревали в «убийствах мирных жителей», были связаны с операциями по уничтожению членов террористической организации «Дети рассвета». Поэтому Лин Цзыхань считал, что пассивное ожидание и выжидание удобного момента для расследования отнимает слишком много времени. Лучше проявить инициативу, найти способ поскорее вынудить или заманить «Детей рассвета» появиться в Синьцзяне. Тогда в процессе ликвидации этой террористической группы под руководством Лин Цзина можно будет провести расследование и попытаться захватить пленных для допроса о прошлых событиях.

Лин И, изучив доклад и тщательно всё взвесив, одобрил его план. Что касается подготовительной работы, её, разумеется, взял на себя Лин И. При упоминании «Детей рассвета» выражение лица Лин И стало мрачным. Он посмотрел на бледное лицо Лин Цзыханя, на мгновение заколебался, но в итоге ничего не сказал, лишь сухо заметил:

— Тогда возвращайся. Побереги здоровье.

И Лин Цзыхань покинул Пекин, вернувшись в Синьцзян.

И вот сейчас в его сознании снова всплыл образ Лин Цзина — это безупречное лицо, всегда холодное и властное, редкие улыбки, от которых кружилась голова, это стройное и статное тело, каждый мускул которого был наполнен дикой силой, особенно в схватке с врагом, где он проявлял сокрушительную мощь, и каждое его движение вызывало восхищение. А прошлой ночью этот знаменитый своей отвагой командир, впад в забытие от хмеля, явил такую глубокую боль, что она потрясла Лин Цзыханя ещё сильнее.

Лин Цзыхань закрыл глаза, сделал долгий вдох и медленно выдохнул, вновь обретая ясность в мыслях. Он выполнял задание, и такие эмоциональные колебания были недопустимы. Он действительно восхищался Лин Цзином — его доблестью в бою, ещё больше — его прямоотой и неподдельной ненавистью к злу. Интуитивно он верил, что Лин Цзин не способен отдать приказ об убийстве мирных жителей. Но чувства не могут заменить рассудок. Ему по-прежнему нужно найти неопровержимые доказательства, чтобы прийти к окончательному выводу.

В этот момент на восточном горизонте возникла узкая полоса великолепного света, и захватывающие дух краски зари постепенно растекались по безбрежному небу.

Лин Цзыхань, сосредоточенно наблюдая за этим, вдруг вспомнил то одно утро много лет назад. В тот день Вэй Тяньюй после ночи напряжённых усилий вытащил их обоих с того света, и они сидели плечом к плечу в пустыне, наблюдая, как медленно поднимается солнце. В тот миг утренний ветерок ласкал их лица, а солнечные лучи били в глаза, и небо с землёй были так прекрасны и величественны. Если вдуматься, разве не в тот момент он полюбил Тяньюя? Иначе как объяснить, что всего два месяца спустя он принял его чувства.

С того дня до нынешнего прошло всего пять коротких лет, но в его сердце это ощущалось как долгая-долгая жизнь. За эти пять лет их чувства прошли через невиданные испытания. Он не знал, как Тяньюй выдерживал, и даже сам не понимал, как сумел продержаться.

По правде говоря, счастливыми они были лишь один год, а затем наступила его встреча со смертью, и Тун Юэ с Вэй Тяньюем из последних сил удерживали его, не отступая в борьбе с нею.

С того мгновения, как он пришёл в себя в больнице, и до сих пор мир в его глазах оставался пустым — без красок, без тепла. Каждое мгновение он пытался, и каждое мгновение ему хотелось всё бросить...

Больше трёх лет, тысяча с лишним дней и ночей, он жил в боли и темноте, и у него просто не было сил ни на что иное.

А тот, кто всё это время был рядом? Ему тоже было больно?

Лин Цзыхань молча смотрел, как багровое солнце медленно поднимается над горизонтом, и его обычно неподвижное, как гладь воды, сердце слегка заволновалось.

Во время этой поездки в Пекин, хотя Вэй Тяньюй и был рад, Лин Цзыхань всё же чувствовал: в сердце того что-то таится, и дело нешуточное. Он не спрашивал, а Вэй Тяньюй не рассказывал. Это был первый раз, когда Вэй Тяньюй что-то скрывал от него, и это вызывало у Лин Цзыханя недоумение и лёгкую растерянность.

Когда-то, в отношениях с Лэй Хунфэем, он тоже что-то скрывал — это был его единственный раз утаивания, и результатом стал вечный разрыв тех чувств. На сей раз что же скрывает от него Вэй Тяньюй? В тот раз с Лэй Хунфэем он с помощью программы отслеживания выяснил правду, а сейчас не хотел поступать так. Он верил, что Вэй Тяньюй не такой человек. Если тот захочет расстаться, Лин Цзыхань непременно согласится, ни за что не станет удерживать. Он готов ждать, пока Вэй Тяньюй сам всё расскажет.

Хотя, конечно, в душе всё равно было беспокойно. Было время, когда он без тени сомнения верил Лэй Хунфэю, а приняв чувства Вэй Тяньюя, он тоже решил: буду верить ему безоговорочно. Пока тот ясно не скажет, не стану ничего выяснять, и уж тем более не заговорю о расставании первым. Но в конечном счёте, в глубине души он всё же не был уверен в чувствах, поэтому и боялся копать слишком глубоко. Боялся ранить Вэй Тяньюя, боялся ранить себя.

Но не причиняет ли молчание боль тоже? Стоит ли ему спросить?

<http://bllate.org/book/16287/1469078>